

ЭО, 2008 г., № 4

© А. И. Саввинов

**ИЗ ИСТОРИИ ТУРУХАНСКИХ
(ШАРОХИНСКИХ) ЯКУТОВ**

О туруханских, точнее, шарохинских якутах современному читателю мало что известно, если не сказать почти ничего. Тем не менее история этого небольшого якутского осколка, некогда осевшего на далеких берегах Енисея, была когда-то особой загадкой для исследователей, служила даже поводом для некоторых гипотез происхождения якутов. К сожалению, в наше время сведения о том небольшом оседлом поселении якутов практически забыты, в литературе давно нет никаких новых данных об этой малоизвестной странице истории расселения якутов.

Наиболее ранние упоминания о шарохинских якутах в литературных источниках встречаются начиная со второй половины XVIII столетия. Одно из них находим в известном труде И.Г. Георги, впервые изданном в конце 70-х годов XVIII в., где автор пишет о туруханских якутах: "127 ясашных душ живут при реке Енисее около Мангазея" (*Георги* 1799: 177). Как известно, эти сведения им были почерпнуты из трудов более ранних предшественников. Поэтому можно сказать, что уже тогда существование оседлого поселения якутов на Енисее было хорошо известно исследователям Сибири.

Однако только в XIX в. сведения о них становятся более подробными. Немало упоминаний находим в трудах путешественников и исследователей Туруханского края, хотя они весьма отрывочны и нередко повторяют друг друга. Конечно, не все авторы владели достоверными сведениями, не всем удавалось посетить этот отдаленный уголок края, тем не менее почти каждый автор непременно спешил сообщить о существовании данного небольшого якутского поселения – весьма необычного и загадочного явления в крае. Кроме численности, внешнего облика и образа жизни якутов многих интересовало происхождение указанного инородческого населения, живущего оседло отдельным станком. Хотя почти все авторы отмечали, что это пришлые люди, тем не менее даже тогда данный вопрос был весьма туманным. Каждый из исследователей видел в них что-то особенное, отличающееся от остального инородческого населения. Бывший губернатор края А.П. Степанов пишет: "Якуты, живущие недалеко от Туруханска, на берегу Енисея, в маленькой деревеньке, имеют настоящую крестьянскую оседлость, даже рогатый скот" (*Степанов* 1835: 43).

В дневнике финского ученого-путешественника М.А. Кастрена, посетившего станок в первой половине XIX в., читаем: "несколько обруселых якутских семейств, которые по собственным словам их, лет 100 тому назад, перекочевали сюда с реки Лены" (*Кастрен* 1860: 337).

Другой не менее известный сибирский исследователь того времени Н.А. Костров также не раз упоминал в своих сочинениях о жителях этого станка, считая его весьма древним поселением: "Шорохино... состоит из 5 домов, в которых большею частью живут якуты. В Шорохинском роде якутов при 15 душах мужского населения считается 9 работников, платящих ясак" (*Костров* 1857: 139–140).

Это необычное якутское поселение также вызывало особый интерес А.Ф. Миддендорфа, посетившего станок во время своей северной экспедиции. "Всего в 35 верстах от Туруханска, – пишет он, – в поселении Шорохине, вы очутитесь среди колонии, которая имеет полнейшее право считаться особым якутским родом, Шорохинским. В

мое время насчитывали 17 душ муж. и 16 душ женск. пола. Вот и все. По общему наружному виду они преобразились в русских: это тем более не удивительно, что половина новых дворов, составлявших Шарохино, была занята чисто русскими поселениями.

Какими судьбами, когда и каким путем этот род, происшедший, вероятно, от одного и того же семейства, заброшен на самый крайний западный форпост, это мне, к сожалению, не удалось разведать при быстром моем проезде. Как остров, он находится среди обширного океана совершенно разнородных народов, но сохранил для своей внутренней жизни свой язык, а вместе с тем несомненно и многое связанное с ним, не смотря на то, что уже в мое время русский язык у этого рода по видимому успел приобрести право гражданства" (*Миддендорф* 1878: 758–759). Далее автор пишет о своих предположениях относительно их переселения (считая, что оно могло быть насильственным в наказание за какие-то проступки или добровольным) с Таймыра или Есейского оз.

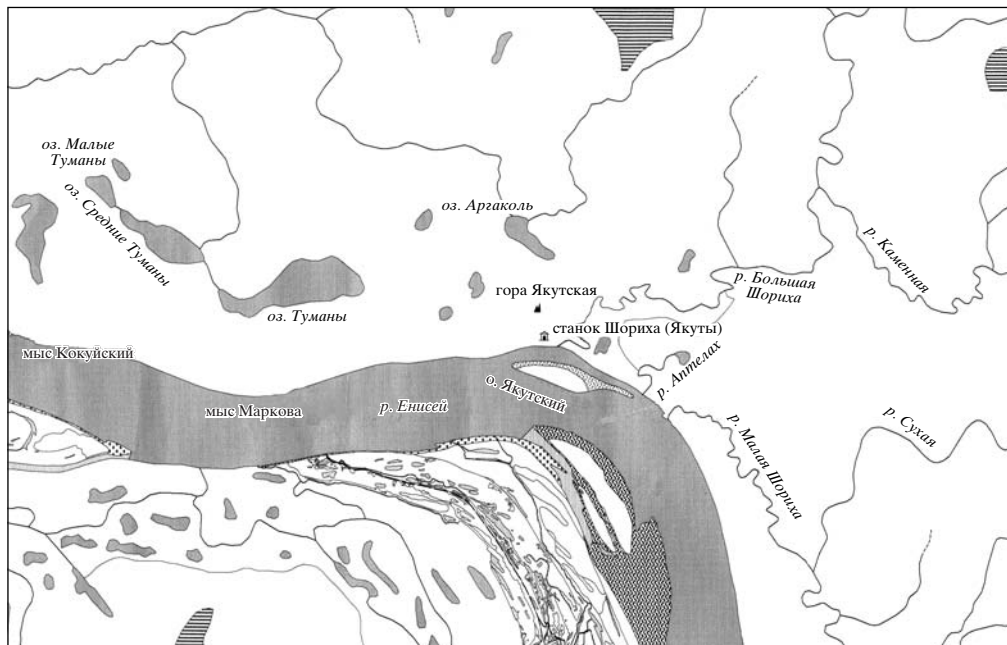
Как отмечали многие бытописатели края, жители станка были достаточно обрусевшими и почти ничем не отличались от местного русского населения. Некоторые даже писали, что совершенно излишне считать их за особый род: "Оседлые инородцы в Туруханском крае одни только якуты... 14 муж. и 14 жен. пол., имеют постоянное жителство в деревне Шарохиной на правой стороне Енисея, в 30 верст от Туруханска, вместе с русскими, утратив совершенно не только свой народный язык и характер, но и самый наружный тип и усвоив все обычаи русских, с которыми почти вполне слились, и по этому весьма справедливо желают уничтожения особого инородческого управления, существующего ныне у них, и обращения в звание обыкновенных поселян, как они и есть в действительности" (*Мордвинов* 1860: 30).

Туруханский священник Михаил Суслов, посетив станок в 1884 г., пишет в своем путевом журнале: "Мы причадили к зимовью. Жители этого станка, природные якуты, после покорения диких народов севера Сибири, желая избавиться от притеснений казаков поселившихся между ними, удалились в эту местность около 1700 г. и через пятьдесят лет (около 1754 г.) приняли св. крещение от Тазовского священника Никифорова. В настоящее время они настолько обрусели, что не имеют и понятия о своей родной якутской речи; живут оседло и занимаются хозяйством, как и русские крестьяне" (*Суслов* 1884: 290).

Шарохинские якуты обосновались и в самом Туруханске (он находился в 30 км от их станка), имевшем тогда статус заштатного города, в историческом, административном и торговом центре северного края, некогда легендарной Новой Мангазее. Сибирский историк А.Н. Шапов пишет о шарохинских якутах в своих историко-этнографических заметках: "В Туруханске в доме бывшего некогда училища, где мы квартировали, 74-летняя старуха, обруселая якутка, век свой изжила замужем за русским поселенцем. У ней две племянницы – выродки якутского рода: отец у них был русский, а мать – дочь якута и русской женщины: обе девушки почти с совершенно обруселым обличем. Точно так же в Монастырском селе встречаются якутки за мужем за русскими крестьянами" (*Шапов* 1872: 153).

В конце столетия в численности шарохинских якутов отмечается заметный рост; место проживания их авторы указывают уже в двух станках: Шарохинском и Костинском (в числе 63 мужчин и 37 женщин). Как видно из этих сообщений, население станка еще в первой половине XIX в. было весьма смешанным и обрусело. Тем не менее оно еще помнило, хотя и смутно, свое якутское происхождение и официально считалось якутским родом. Если язык и другие культурные навыки обитатели станка утеряли довольно рано, то их внешний облик сохранялся еще долго. Многие посетители станка обратили на это внимание. "Они и жилищем и всем другим не отличаются от русских, разве физиономии", – писал доктор Кривошапкин (1863: 83).

Относительно названия станка в литературе встречается несколько вариантов: Шарохино, Шарохинское, Шориха, или просто Якуты. Местное население в разговоре

Карта-схема территории района, где находился станок Якуты. Туруханский р-н Красноярского края

больше употребляло последнее название. Название *Якуты*, как видно из старых документов в дореволюционное время, а также вплоть до 1950-х годов станок¹ носил вполне официально. Именование населенных пунктов по их этническому составу в прошлом в Туруханском крае практиковалось часто, например, были станки Долганы, Тунгусы. Сел. Якуты, как и многие населенные пункты края, выполняло функцию станка. Судя по документам второй половины XIX – начала XX столетия, вместо "станка" использовали и другие административные названия: "волость" или "управа", "зимовье" или "деревня" (Список... 1911).

Если в ранней литературе упоминания о шарохинских якутах были довольно частыми, то в последующее время подобных сообщений в трудах исследователей становится все меньше. Официальные документированные сведения о шарохинских якутах находим в материалах переписи населения 1897 г. Как показывают статистические данные, в станке тогда было восемь хозяйств и 61 житель: из них якутов – 28 мужчин и 16 женщин; русских – семь мужчин и шесть женщин; юраков – один мужчина и одна женщина; тунгусов – две женщины. Всего якутов по Нижне-Подгороднему сельскому обществу учтено 47 чел., в Туруханске – 10, в Низовском сельском обществе – 7, в Верхнеимбатске – 2 чел. Итого 66 якутов (Патканов 1911: 415). Эти данные были далеко не полными, во всяком случае они не показывают точный численный состав местных якутов. В материалах отсутствуют данные по другим станкам, где проживало немало якутско-русских семей. Хотя, видимо, в то время уже было достаточно сложно определить национальный состав в столь смешанной картине местного населения.

К тому периоду выходцы из Шорихи не только проживали в ряде близлежащих станков, но и попадали в более отдаленные места. Именно лица, проживавшие в других станках, зачастую оказались не учтенными при подобных подсчетах. В целом к концу века шарохинских якутов в крае было довольно много. Пожалуй, самая извест-

ная фамилия среди них – Самойловы. Имелись ли якуты с иной фамилией, сказать сложно, но в ранних документах встречаются якуты Сотниковы, хотя их, видимо, было немного.

В Туруханск автор данной статьи ездил в 1995 и 2005 гг. В результате удалось по крупицам собрать большой материал по истории поселения. Я встречался и записывал рассказы старожил, тех немногих уроженцев станка, которые ныне живут в разных населенных пунктах. К сожалению, некоторых моих первых информантов сегодня уже нет в живых. Честно говоря, когда я впервые собирался туда, то не рассчитывал найти каких-либо свидетелей о столь давней истории шарохинских якутов, не говоря уже об их потомках. К своему удивлению, среди местных старожил я нашел немало людей, которые связывали свою родословную с шарохинскими якутами, а также их прямых потомков, составляющих сегодня не одно поколение среди современных туруханцев. Встречались также люди, которые когда-то жили в том самом станке Якуты, названном в честь его первопоселенцев и давно заброшенном.

Для меня особенно памятной была первая поездка. Тогда посчастливилось попасть в Якуты, как местные жители по-прежнему называют старый станок. Тогда благодаря помощи директора совхоза в Селиванихе, небольшой деревне, находящейся в 10 км от районного центра, местные рабочие свозили меня в Шориху. Это 60 км вниз по Енисею. Река в этом месте становится шире, более могуча, ее дыхание – более холодным и суровым. Когда подплыли к возвышенному берегу и ступили на землю, где когда-то стояло одно из старинных поселений, перед нами предстал широкий мыс, омываемый устьем небольшой реки, впадающей в Енисей. Местность поразила удивительно пышной растительностью, запахом дикой природы. Полноводная горная речка удивила своей первозданной красотой. Сохранившихся построек здесь давно уже нет, почти не осталось никаких следов и от бывшей тут деревни. Все заросло непроходимым густым тальником. Вот уже более 40 лет местность пустует, разве только несколько выше на горе стоит охотничья избушка и рядом с ней – медвежья ловушка. Когда поднимаешься вверх, *на угор*, открывается красивая панорама широкой реки, большого зеленого острова. Этот тихий медвежий уголок, наверное, не случайно был выбран первыми поселенцами. Слияние двух рек, тайга, постепенно переходящая в лесотундру – своеобразные ворота северного края, – были во многом удачным и наиболее подходящим местом для жительства.

Одно из ярких свидетельств о шарохинских якутах – местные топонимы, среди которых не трудно обнаружить несколько якутских названий, сохранившихся до наших дней. Они выделяются среди местных топонимов прежде всего своим непривычным звучанием. Однако дошли они до наших дней в весьма искаженной форме; порой в них трудно опознать старые якутские слова. Сегодня нам известна лишь незначительная часть того, что было; многое безвозвратно утеряно, ушло вместе с тем поколением, которое осваивало эти места. Особо следует отметить название небольшого оз. *Аргакуль*, находящегося в трех километрах севернее станка. Рядом с Малой Шорихой протекает небольшая речка *Антелях*, также впадающая в Енисей. Эти названия и сейчас используются местным населением, однако подлинное их значение здесь давно забыто. Название небольшой сопки округлой формы, находящейся в полутора километрах вниз от станка, – *Балбаха* (якут. *балбах* – "большая мерзлая глыба (коровьего навоза)"). На другой стороне Енисея протекает речка с не менее загадочным названием *Болчагур*.

Несмотря на некоторые искажения в указанных названиях, достаточно четко просматривается их якутское происхождение. Например, в названии *Аргакуль* нетрудно обнаружить сочетание двух слов. Первое – *арга* – в якутском языке имеет свое архаичное значение, которое переводится как "тыл, задняя сторона, спина" (противоположное – "илин"), т.е. задняя сторона чего-либо. Таким образом, слово указывает географическое направление и означает низовье реки, север. Данное значение слова и

сейчас сохраняется в некоторых севернякутских говорах. Таким образом, название можно перевести как "Северное озеро", что подтверждается его расположением к северу от станка. Несколько искаженное *куль*, т.е. озеро, в якутском языке имеет древнетюркское происхождение. Как отмечает якутский топонимист Багдарыин Сюлбэ, географические названия с дополнением *кюель* относятся к наиболее распространенным на карте Якутии.

Особый интерес представляет название *Антелях*. К сожалению, трудно установить, что значит это загадочное слово. Хотя в нем очевидно характерная особенность якутских топонимов: аффикс *-лях* имеет значение обладания кем-либо (кем-либо). Местные достопримечательности *Якутская гора* и *Якутский остров*, вошедшие во многие географические справочники, получили свои наименования от названия самого станка. Остров на Енисее, называемый в народе *Якутинским*, представлял собой огромный зеленый массив. По сведениям информантов, его длина в прошлом составляла около 2 км, ширина – более 200 м. Сибирская река иногда показывает свой характер. Года три назад в результате небывалого могучего ледохода на Енисее большие ледяные глыбы смыли большую часть острова. Катастрофе, видимо, способствовало то обстоятельство, что в этом месте русло реки делает сильный крен, где в период ледохода образует большой затор. Разрушительную силу бурного ледохода можно только представить. Сейчас остров значительно уменьшился в размере – по рассказам очевидцев, длина его едва составляет 300 м. Подобную экологическую катастрофу не припомнят даже старожилы.

В поисках исторических фактов приходилось изучать некоторые сохранившиеся метрические книги туруханской Преображенской церкви середины XIX – начала XX столетия. Страницы старых церковных книг пестрят от фамилии шарохинских Самойловых. Как видно, вплоть до 1920-х годов они имели статус инородцев, составляли отдельный якутский род и в документах были зафиксированы как якуты. С первых лет советской власти шарохинских якутов начинают записывать русскими. В материалах первой Приполярной переписи населения 1926–1927 гг. якуты в районе уже не значатся, они все были зафиксированы как русские.

Судя по церковным книгам, Самойловы брали себе жен из соседних крестьянских станков, из семей местных казаков и мещан. Дочерей нередко выдавали за женихов из более отдаленных мест. Особую ветвь в родословной Самойловых, хотя и сравнительно поздною, составляет фамилия Чалкины. Эти две фамилии длительное время были связаны крепкими родственными узами. По рассказам старожил, предки Чалкиных по своему этническому происхождению являлись татарами.

Шарохинские якуты поддерживали тесные контакты и с "низовским" инородческим населением – затундринскими крестьянами и долганями. Станок часто посещали караваны оленьих упряжек. Нередко обменивались визитами, подарками. За рыбу, хлеб, муку жители станка получали оленьё мясо, шкуры. Они как православные нередко брали себе жен из семей крещеных инородцев. Так, невестки у Самойловых были из дальних станков "Затундры". Например, по рассказам жителя Селиванихи А.А. Самойлова, его мать – Феоктиста Дмитриевна – была долганкой, привезенной с Гольчихи. Один из сыновей Апполона Самойлова – Георгий – был женат на Татьяне Николаевне Байкаловой, из пясинских долган. Дочерей также нередко выдавали замуж за жителей низовских станков (ПМА 1: *Самойлов*). В этом отношении довольно показательна история одной семьи таймырских Туркиных. Об этом когда-то мне поведала Мария Савельевна Яроцкая, урожденная Туркина, старожилка Левинских песков. Ее мать Ульяна Дмитриевна Самойлова была выдана замуж за состоятельного затундринского крестьянина Савелия Трофимовича Туркина, имевшего 300 голов оленьего стада в станке Ананьевское.

Картина экономической и хозяйственной жизни шарохинских якутов начала XX в. хорошо показана в материалах рыбпромыслового исследования р. Енисей, проведен-

Семья шарохинского якута Георгия Петровича Самойлова. Конец 1940-х – начало 1950-х годов. Фото из семейного альбома Самойловых

ного в 1911 г. В них читаем: "В станке дворов было 8, изб 8, бань 4, амбаров 4 и 1 коп-тильня. Усадебные участки в среднем по 47 кв. саж. имели все 8 хозяйств. Жители имели 6 саней, 11 нарт и 7 нарт собачьих. Для промысла зверя в станке имелись: 6 ружей; из них 4 одноствольных и 2 двуствольных, и 113 ловушек; капканов 23 и черканов 90. В зиму 1911 – 12 гг. 4-мя хозяйствами, давшими показания, было добыто: белки 444 шт. на 149 руб.10 к., колонков 5 на 7 руб., горностаев 24 на 38 руб., лисиц 2 на 28 руб. И песцов 4 на 56 руб. (*Шлихтер, Исаченко* 1914: 54–55).

Наряду с языком и бытовыми традициями шарохинским якутам пришлось усвоить и новые для них хозяйственные навыки местного населения: рыбный промысел, ездовое собаководство. Рыболовство стало основным их занятием, как и у местных жителей, которых называли *сельдюками*². Рыбачили почти круглый год, промысловые участки занимали достаточно обширную территорию на Енисее. Кроме того, в их распоряжении были крупные озера в окрестностях станка. Орудия рыбной ловли в станке имелись следующие: 11 неводов-частиков у восьми хозяйств, шесть обыкновенных неводов и 70 пуцален у шести хозяйств, 52 перемета с 2120 удами у семи хозяйств, 8 лодок также у семи хозяйств. Было добыто осетрины 16 пудов, стерляди – 20, сельдей – 703 п. 20 ф., нельмы – 4 пуда, чиров – 13, налимов – 10, сигов – 5, щук – 19 пудов и разной рыбы 35 пудов (Там же: 57–58).

Шарохинские якуты исконно держали рогатый скот. Хотя скотоводство и считалось традиционным для них занятием, но не было основой их хозяйства. Появление скотоводства здесь, видимо, не было случайностью, и вполне возможно, имело неко-

торое этноисторическое объяснение. Местные жители никогда не являлись владельцами больших стад, ограничивались небольшим поголовьем, что было принято в здешних краях. "Сенокосные угодья находились на левой стороне Енисея против станка и по р. Шароха. Летом скот пастись на берегу Енисея. Из 8 хозяйств не имело сенокосных угодий одно хозяйство, остальными же 7 хозяйствами в 1911 г. было собрано 639 копен укоса. На все хозяйства станка было 11 лошадей, 10 дойных коров и 22 собаки" (Там же: 54).

Станок *Якуты* на Енисее был крайней северной точкой, где выращивали картошку, поскольку в то время в других станках по низовью этим не занимались. По данным того же 1911 г. "не имели огородов 4 хозяйства. Из остальных же 4 хозяйств на каждое хозяйство в среднем приходилось по 70 кв. саж. огородных угодий". Получали неплохой урожай картошки. Жители станка не выращивали другие овощи. Как пишет Тарасенков, первым, кто начал заниматься выращиванием других огородных культур в станке, был некий ссыльный Флоренсов (*Тарасенков* 1930: 310).

Как следует из материалов переписи 1926–1927 гг., 12 хозяйств станка имели 14 рабочих лошадей, 16 коров и 16 ездовых собак. Сельским хозяйством занимались 25 чел., рыболовством – 34, охотой – 14, прочим – 14 чел. ((Материалы приполярной переписи 1928: 14–16). По данным Туруханского РИКа, на 1 августа 1929 г. в станке было 83 души обоего пола (Там же: 150).

По рассказам старожилов, семьи в станке всегда были многодетные, жили крайне бедно. Небольшие избы имели сени и другие хозяйственные пристройки, в которых держали скот, упряжных собак. В середине дома стояла большая русская печь, использовавшаяся в основном для выпечки хлеба. Нередко на ней спали дети; казенка ограждалась матерчатой ширмой. Хлеб пекли в печи способом лепки. Избы отапливались железной печкой. Несмотря на оседлость, в быту жителей станка было немало черт, характерных для кочевого населения енисейских аборигенов. Основным питанием жителей северного станка была рыба. В пище практически мало употребляли соль; сырую рыбу нередко ели без соли. Некоторое разнообразие в рацион питания вносили плоды охотничьего промысла: отстрел лесной дичи, ловля зайцев петлями. Необходимый инвентарь для хозяйственных нужд и рыболовные снасти жители станка изготавливали сами. Из конопляных плели сети, из конского волоса вязали так называемые *тягонки*, специальные рукавицы для тяги невода, рыболовные *бродни*.

Самойловы, как и местные крестьяне, были весьма набожными; вплоть до 1950-х годов старики держали в избах иконы. В дореволюционное время, видимо, нередко дети шарохинских якутов обучались в местных церковно-приходских школах. "Ни одного инородца нет в Туруханской школе (если не считать одного совершенно обрусевшего якута), где за отсутствием общежития учатся только дети городских мещан" – сообщалось в "Восточном обозрении" за 1903 г. Известно также, что из рода Самойловых были некоторые церковнослужители: в свое время местным дьяконом являлся Апполон Самойлов, а его сын Илья Апполонович в 1910-е годы служил псаломщиком в туруханском Преображенском соборе. В наши дни в восстановлении старинного храма Свято-Троицкого монастыря свою посильную помощь оказывали многие прихожане и сельне-старожилы; к оформлению его внутреннего убранства приложили умелые руки и местные мастера.

В судьбе станка и его жителей отразилась история советского времени. На заре советской власти буря гражданской войны не миновала и Туруханскую землю. Эти трагические события оставили глубокий след в памяти местных крестьян. В одной из церковных книг за 1920 г. читаем следующую запись: "В течение января месяца 1920 года священником Мартином Римшой были отпеты 31 человек, убитых и утопленных красноармейцами". Среди 14 утопленных в р. Енисей около с. Монастырское значатся имена трех "инородцев-якутов" Самойловых – двух родных братьев Ильи и Николая

Апполоновичей, 32 и 23 лет, а также их двоюродного брата Адриана Романовича, 20 лет (Метрическая книга... 1920).

В списке участников Великой Отечественной войны мне удалось насчитать более 30 человек с фамилией Самойлов. Большинство из них не вернулись в родные станки. Нередко из одной семьи на войну уходили несколько братьев. Например, П.А. Самойлова потеряла четырех родных братьев, ушедших добровольцами на фронт; прах героически погибших братьев Самойловых покоится в братских могилах под Сталинградом и Ладогой (ПМА 2: *Самойлова*).

С прибытием поздней осенью 1942 г. с Поволжья и из других районов СССР так называемых спецпереселенцев начинается новая страница истории станка. К тому времени здесь проживали три семьи Самойловых с детьми и их пожилая родственница. Семьи в основном занимались рыболовством, имели свой скот и лошадей. В результате спецпереселений старинный глухой станок наполнился представителями разных национальностей – литовцами, финнами, греками, украинцами, но большинство составляли поволжские немцы. После реабилитации многие выехали в центральные районы, но значительная часть людей так и осела на туруханской земле. В настоящее время в районе проживает несколько стариков из бывших спецпереселенцев, которые более 60 лет назад оказались в этом суровом северном крае.

О годах жизни в Якутах воспоминаниями поделились Мина Греб и Ирма Шван – тогда юные переселенки, пережившие все тяготы и лишения сурового времени, повидавшие в свои молодые годы немало горя. Старые женщины со слезами на глазах вспоминали юность, проведенную порой в нечеловеческих условиях, когда приходилось испытать наравне со взрослыми тяжелый колхозный труд, пережить голод и холод. Больных, голодных людей под конвоем загнали на конный двор, к зиме их заставили рыть землянки для жилья. Приходилось начинать новую жизнь. По рассказам собеседниц, в первые годы, особенно в первую зиму, прибывших умерло очень много. Спецконтингент, состоявший в основном из женщин и детей, был мобилизован на рыбодобычу. Первую помощь им оказывали немногие местные жители, учившие их рыбачить и охотиться: ставить сети, чинить невод, пользоваться капканами и петлями (ПМА 1: *Греб*; ПМА 2: *Шван*).

Кое-как перезимовав, спецпоселенцы с начала весны взялись за корчевание леса, готовили землю под колхозные огородные поля. К их счастью земля оказалась необычайно благодатной; на ней прекрасно росли картошка, капуста, морковь, свекла. Для жителей станка продукты огорода стали важным подспорьем к их скудному рациону военных и послевоенных лет. Колхоз "Комсомолец" занимался круглогодичной добычей и заготовкой рыбы, а также выращиванием овощей. Тонны рыбы и овощей увозились вниз по Енисею для снабжения промышленных районов Игарки и Норильска.

С прибытием переселенцев в станке открылась четырехклассная школа, где одна учительница обучала детей разного возраста – всего 22 ученика. Несмотря на оживление жизни в 1940–1950-е годы, станок оставался одним из глухих уголков северного края, где не было ни радио, ни почтовой связи, ни электричества.

В 1956 г. с реабилитацией репрессированных начинается массовый выезд пришлого населения. В 1958–1959 гг. с убытием последних жителей станок опустел. С того времени местность становится нежилой, дома и другие постройки постепенно разбираются на дрова. В последующие годы станок некоторое время использовался как рыболовецкая точка отделения совхоза.

В настоящее время прямые потомки шарохинских якутов – многочисленные представители Самойловых, одной из наиболее распространенных коренных фамилий. О своем якутском происхождении они мало знают, хотя среди них бытует отголосок старой легенды о том, что некогда их предки прибыли с востока по Нижней Тунгуске либо от страшной оспы, либо от ясачного гнета. Хотя отношение к этому разное: для кого-то это выдуманная история, другие склонны считать ее событием реальным. Среди

жителей немало тех, кто искренно хотел бы узнать историю своей родословной. К разговору о якутском происхождении их предков они проявляют живой интерес. 76-летняя П.А. Самойлова ведет генеалогическое древо Самойловых от Петра Сидоровича, который приходится ей прадедом. По ее рассказам, он имел девять сыновей (Абрам, Апполон, Григорий, Роман, Ларион, Дмитрий и др.). Все сыновья оставили большое потомство. От Петра Самойлова можно сосчитать около десятка поколений Самойловых. От него пошли отцы и деды ныне живущих туруханских Самойловых (ПМА 2: *Самойлова*).

Судя по рассказам пожилых информантов, отцы их хорошо знали о своих якутских корнях и в какой-то степени осознавали себя якутами, хотя это никогда не афишировалось. Как вспоминает П.А. Самойлова, отец ей нередко говорил о своем якутском происхождении. Когда она спрашивала у него, почему он не говорит по-якутски, тот отвечал: "Уже и отец мой, и дед говорили только по-русски". Раньше шарохинцев по названию их станка в среде местного населения нередко называли якутами, подобное и сейчас можно слышать, хотя это теперь имеет несколько ироничный оттенок. Как рассказывает П.А. Самойлова, раньше люди избегали говорить о своей национальности. Это чувство, знакомое многим поколениям советских людей, в крае сталинских ссылок, видимо, ощущалось по-особому. Не знаю, что двигало старой женщиной – зов предков или память об отце, но в последней переписи населения 2002 г. она записалась якуткой.

Среди современных Самойловых в основном преобладает славянский тип лица, однако у отдельных их представителей нет-нет да и проглядывают некоторые отдаленные черты их якутских предков. Среди людей старшего поколения встречались удивительно красивые лица с мягкими азиатскими чертами. "Я пошибала на тятю", – говорила мне, улыбаясь, Е.Е. Самойлова, одна из моих первых собеседниц. На старых фотографиях, которые показывали мои знакомые, я часто обнаруживал лица, сохранившие заметный отпечаток якутского типа.

Знали ли в Якутии о своих сородичах, живущих отдельной деревней в столь отдаленном крае? Для многих специалистов туруханские якуты оставались загадкой. Например, В.Л. Серошевский, известный исследователь якутов, в свое время заявлял, что не мог добыть точных сведений о якутах, поселившихся за пределами Якутии, в том числе о шарохинских. Тем не менее это не помешало ему писать в пользу некогда выскazanного Н. Щукиным мнения о возможном пути переселения якутов вниз по Енисею и вверх по Нижней Тунгуске, оттуда – на Вилюй и Лену. Так, в своем труде он пишет о туруханских якутах: "В колониях этих можно, пожалуй, усмотреть остатки главного отряда, впоследствии двинувшегося на восток" (*Серошевский* 1896: 206–210). Позже эта гипотеза была опровергнута якутским ученым Г.В. Ксенофонтовым. В 1925 г. он предпринял беспрецедентную по тому времени длительную экспедиционную поездку по сбору научного материала по этнической истории якутов. Маршрут ученого пролегал через Западно-Кангаласский и Средневилюйский улусы – Марха – Нюрба – Шея – Сунтар – Хочинский улус – Брангатский наслег – Чона – Ербогачен – Ново-Туруханск – Красноярск, далее Хакасия и Западная Бурятия.

Во время этой экспедиции в верховьях Вилюя Ксенофонтову удалось записать бытовавшее в то время среди жителей Хочинского улуса предание о бордонских якутах, осевших в Туруханском крае. Было зафиксировано два варианта предания. В первом, записанном на р. Чона от якута 2-го Бордонского наслега, говорится, что семеро жителей этого наслега поехали в центр России, чтобы "высудить" себе места по р. Чона. Они плыли по Катанге (так якуты и тунгусы называют Нижнюю Тунгуску), один из них умер по дороге в местности Монастырь, а остальные шестеро поплыли вниз и поселились в Туруханске. В другом, более подробном варианте этого предания, записанном от жителя 2-го Нерюктяйского наслега Сунтарского улуса, говорится, что некогда в старину живший в 1-м Бордонском наслеге богатый и родовитый якут Бээкээн,

исполнявший обязанности наследного князца, в результате ссоры с окружным исправником по какой-то судебной тяжбе подвергся телесному наказанию. Далее читаем текст:

Бээкээн, думая, что местные власти поступили с ним самоуправно и вопреки законам, решил ехать с жалобой к самой императрице Екатерине. И вот он со свитой из 30 человек на 30 верховых конях прибыл к верховьям Нижней Тунгуски. Сделав плот, он со своими людьми поплыл вниз, намереваясь через Туруханск проехать в центр России (дословно – в южную страну).

Немного не доехав до теперешнего города Туруханска, Бээкээн схватил какую-то желудочною болезнь и умер. Его люди, доплыв до Туруханска, стали совещаться и рассуждать:

«Теперь если мы после смерти нашего старца вернемся на родину, то нам все равно не сдобровать. Чохороон-удалец спросит: "Куда девали моего отца?" – и не даст нам житья. Да и русское начальство, проведав, что мы ездили с Бээкээном, возможно, начнет преследовать. Вот почему подобру-поздорову лучше остаться нам здесь и жить, замешавшись среди русских». Так они, как рассказывают, и поселились в Туруханском крае.

Здешние якуты рассказывают, что потомки тех людей будто бы и по сию пору живут там, о чем гласит молва, идущая из дальних краев (*Ксенофонтов* 1977: 226–227).

Таким образом, легко догадаться, чем было вызвано включение ученым в свой экспедиционный маршрут поездку в Туруханский край. Ксенофонтов как исследователь древней истории якутов хорошо был знаком с существовавшей в старой сибирской историографии енисейской гипотезы о происхождении якутов, будто бы их предки могли попасть на север вниз по Енисею, далее по Нижней Тунгуске на восток. Таким образом, Г.В. Ксенофонтов к туруханским якутам испытывал двоякий интерес. Судя по всему, во время своей поездки он так и не добрался до самого станка. Он упоминает лишь об одном шорохинце, увиденном им в Ново-Туруханске, летом 1925 г. Однако, как он заметил, "ни в его физическом облике и ни в языке не осталось никаких следов его якутского происхождения. Это был обыкновенный русский крестьянин сибиряк. По словам которого, и остальные шорохинцы ничем не отличаются от массы русских старожил" (Там же: 54–55). Тем не менее Ксенофонтову удалось узнать о бытовании у них, хотя и смутной, легенды о том, что их предки будто бы были якутами. Таким образом, Ксенофонтов пришел к выводу, что записанное им предание не лишено основания, и считал, что данный факт исхода якутов из пределов Южного Вилюя, плавание их вниз по Нижней Тунгуске и поселение около г. Туруханска нужно признать достоверным.

Так, некогда в Сунтарском улусе у хочинских якутов бытовало предание об их земляках, отправившихся в Россию, но не добравшихся до центра и оставшихся на чужбине. Тем не менее предание действительно имело под собой реальный исторический факт, достоверность которого подтверждается и архивными свидетельствами. Так, в якутском архиве в свое время А.С. Парниковой были обнаружены некоторые документы, свидетельствующие о передвижениях якутов, о тех переселенцах, которые достигали Енисея. В одном из документов упоминается некий якут Бады Богданов, поселившийся с семьей в Шорихинской слободе у родственников: он "отлучился з детьми из жительства своего без пашпорта в 786-м году по чинимым притеснениям от князца Елги" (цит. по: *Парникова* 1971: 77).

Сам по себе этот факт весьма необычен. Впрочем, в истории якутов в прошлом известно, что случаи переселения их на территорию Туруханского края были довольно частыми, хотя это было в основном кочевое население – северные якуты-оленоводы. Для улусных якутов-скотоводов, живших в то время общинно-патриархальным укладом, оторваться от земли, покинуть родных и семьи, поселиться в чужой среде было делом достаточно редким и необычным, и потому, видимо, сохранился в памяти народа указанный случай как событие особое, не рядовое, которое со временем и стало преданием. Писатель Валентин Распутин справедливо заметил: "Предание не фольк-

Старинное кладбище в Старотуруханске. Фото автора, 2005 г.

лор, не слух или красивая байка, это не художественная, а историческая память... Оно вообще очень отборчиво к факту и берет факт более значительный, переломный, подлежащий не украшателству, но передаче по цепочке..." (*Распутин* 1991: 228).

Из данного предания мы можем узнать многое. Во-первых, вполне возможно, что главной причиной невозвращения якутов на родину могла быть и кровная месть, которая в то время была достаточно развитой. Остерегаясь мести детей своего погибшего предводителя, команда вынуждена была остаться на чужой земле. Также из предания известно, что некоторые вести о земляках, осевших в чужой стране, доходили до их родных мест. Вполне вероятно, что на первых порах у них еще сохранялись связи с родиной. Из предания мы также узнаем, что событие происходит во времена царствования Екатерины II, т.е. во второй половине XVIII в. Известно, что в екатерининское время попытки отправиться в центральную Россию среди улусных якутов были достаточно распространенным явлением. Были и случаи приема якутских делегаций императорским двором, даже самой императрицей.

Таким образом, имеющиеся устные и архивные источники позволяют с уверенностью сказать, что некогда бытовавшее предание среди бордонских якутов, а также их туруханских сородичей, ярко повествующее о столь необычном событии, имеет под собой реальный исторический факт. На основе этих данных можно предположить, что появление группы оседлых якутов на берегах нижнего течения Енисея, вероятно, произошло не раньше второй половины, а точнее, в последней четверти XVIII в.

Итак, перед нами одна малоизвестная страница истории расселения якутов. Кто они, эти отважные люди, что их заставило пуститься в столь дальний путь, поселиться на чужой земле? Было ли это поиском свободы, лучшей доли или боязнью кровной мести? Может ли все это оправдать ту ни с чем не сравнимую боль тоски по родине, разлуки с родными и близкими, которую им пришлось испытать волею судеб, оказавшись вдали от родных мест?

И сегодня на древней туруханской земле живут немало простых русских людей, в жилах которых течет кровь далеких якутских предков. Несмотря на то, что с того времени прошло более 200 лет, память об отважных насельниках, пустивших свои крепкие корни на далеких енисейских просторах, жива и поныне. Современные Самойловы, как и их предки, живут скромно. Их отличают любовь и преданность родной земле, они – хранители и продолжатели славной истории своей родословной. В заключение хотелось бы искренне поблагодарить жителей Селиванихи и Туруханска, с которыми автор имел возможность познакомиться и с помощью которых удалось узнать о прошлом их края, память о котором они бережно сохраняют.

Примечания

¹ *Станок* – пристанище рыбаков, охотников, ямщиков. – *Примеч. ред.*

² "Сельдюки" – распространенное название местных русских старожилов в районе среднего течения Енисея, преимущественно занятых рыбным промыслом и отличающихся особым говором.

Источники и литература

- Георги* 1799 – *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2. СПб., 1799.
- Кастрен* 1860 – Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). М., 1860.
- Костров* 1854 – *Кн. Костров*. Несколько слов о туруханских якутах // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. VIII. № 9. СПб., 1854.
- Костров* 1857 – *Кн. Костров Н.А.* Енисейские якуты (VIII гл.: "от Туруханска до моря") // Зап. ВСОИРГО. 1857. Кн. IV.
- Кривошапкин* 1863 – *Кривошапкин М.* Об остяках, тунгусах и проч. инородцах Енисейского округа // Зап. Сибирского отд. Императорского Русского географического об-ва. Кн. VI. Иркутск, 1863.
- Кривошапкин* 1865 – *Кривошапкин М.Ф.* Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865.
- Ксенофонтов* 1937 – *Ксенофонтов Г.В.* Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Т. 1. Иркутск, 1937.
- Ксенофонтов* 1977 – *Ксенофонтов Г.В.* Эллэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – М.: Наука, 1977.
- Латкин* 1892 – *Латкин Н.В.* Енисейская губерния: ее прошлое и настоящее. СПб., 1892.
- Материалы приполярной переписи – Материалы приполярной переписи 1926–1927 гг. в Сибирском крае. Вып. 1. Красноярск, 1928.
- Метрическая книга... – Метрическая книга Туруханской Преображенской церкви за 1920 г. (хранится в Туруханском территориальном отделе управления ЗАГС администрации Красноярского края).
- Миддендорф* 1878 – *Миддендорф А.Ф.* Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. 2. СПб., 1878.
- Мордвинов* 1860 – *Мордвинов А.* Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестн. ИРГО. Т. II. СПб., 1860.
- Парникова* 1971 – *Парникова А.С.* Расселение якутов в XVII – начале XX вв. Якутск, 1971.
- Патканов* 1911 – *Патканов С.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.) // Зап. ИРГО. Т. XI. Вып. 2. СПб., 1911.
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Красноярский край, Туруханский р-н, июль–август 1995 г. (информанты: А.А. Самойлов, 1924 г.р.; М.А. Греб, 1923 г.р., с. Селиванихи; Е.Е. Чалкина, 1924 г.р., пос. Туруханск).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Красноярский край Туруханский р-н, июль 2005 г. (информанты: П.А. Самойлова, 1929 г.р.; И.Е. Шван, 1929 г.р.; К.Е. Самойлова, 1915 г.р., пос. Туруханск).
- Распутин* 1991 – *Распутин В.* Сибирь, Сибирь... М.: Молодая гвардия, 1991.

- Серошевский* 1896 – *Серошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. СПб., 1896.
- Список... – Список населенных пунктов Енисейской губернии (с приложением списка русских поселений в Урянхайском крае и схематические карты волостей Енисейской губернии). Красноярск, 1911.
- Степанов* 1835 – *Степанов А.П.* Енисейская губерния. Ч. 1–2. СПб., 1835.
- Суслов* 1884 – Путевой журнал священника-миссионера Михаила Суслова при поездке к озеру Ессей // Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 13.
- Тарасенков* 1930 – *Тарасенков Г.Н.* Туруханский край: Экономический обзор с историческим очерком. Красноярск, 1930.
- Шлихтер, Исаченко* 1914 – *Шлихтер А.Р., Исаченко В.Л.* Экономическое положение крестьян Туруханского края / Матер. по исследованию р. Енисей в рыбопромысловом отношении. Вып. VIII. Ч. 1. Красноярск, 1914.
- Шапов* 1872 – *Шапов А.Н.* Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Изв. Сибирского отд. ИРГО. Т. III. № 3. 1872.

A.I. Savvinov. From the History of the Turukhan (Sharokhin) Yakut

The article is a venture into an exploration of the history of the Turukhan Yakut, which has until recently remained a blank area of ethnographic and historical scholarship. Having been sporadically studied in the eighteenth and nineteenth centuries by some scholars, this history nearly faded into oblivion during the period of Soviet scholarship. Drawing on a range of written sources and own field materials, the author presents an account that is valuable both as a particular ethnographic and historical case study of the people, and as a research endeavour shedding light on broader problems of the forming of native populations in the region and their contemporary cultural and ethnic identities.